

П. СТРУВЕ

«Двенадцать» Александра Блока

«Двенадцать» Александра Блока, по-видимому, самое сильное до сих пор отражение революции в литературе. Уже сейчас можно сказать без преувеличения, что это подлинно памятник революционной эпохи. В этом произведении действительно отразилась революция, ее безбожие, ее бесчеловечность, ее — перефразируя другие стихи того же поэта — бессильный, непробудный грех. В предисловии, которым П. П. Сувчинский сопроводил софийское издание «Двенадцати»*, он определяет поэзию Блока как чувственный реализм и не очень высоко оценивает его творчество с религиозной точки зрения. Поэтому «образ Христа в белом венчике из роз» — неубедительный, тусклый, чужой, случайный и безответственный, даже недопустимо безответственный, кощунственный (с. 6).

Справедливый суд и заслуженный приговор, но его надо, мне кажется, расширить и углубить. Все произведение Блока, при потрясающей чувственной правдивости, делающей из него большую художественную ценность и первоклассный исторический памятник, религиозно, а тем самым и эстетически, двойственно и противоречиво, не примирено в себе, как непримиренным в себе и эстетически незаконченным и потому несовершенным был всегда и остается Блок. Тут религиозный критерий сливается с эстетическим. Правда изображения в «Двенадцати» Блока религиозно не освобождена от цинизма или кощунства восприятия. Отсюда то естественное отталкивающее впечатление, которое на многих производят «Двенадцать».

Человек, а потому и писатель, может к пороку, греху, мерзости, пошлости относиться различно: их можно воспринимать

* Александр Блок. Двенадцать / С предисловием П. Сувчинского. Российско-болгарское книгоиздательство, София (б. о. г.). С. 36.

безразлично в процессе простого отображения или изображения; их можно превозносить и идеализировать, и, наконец, к ним можно относиться с эстетически-иерархической оценкой, ставя их в надлежащее соотношение с другими сторонами лирики или действительности. Только последнее отношение эстетически правильно и религиозно закономерно.

Блок в своих «Двенадцати» колеблется между этими тремя отношениями. Истинная, совершенная поэзия, образцами которой могут служить поэтические части Библии, «Фауст» Гёте, «Борис Годунов» Пушкина, всегда эстетически-иерархически и тем самым религиозно расценивает изображаемое. И потому она никогда не впадает в соблазн кощунства. Между тем у Блока почти всегда двусмысленное отношение к изображаемому, заключающее в себе опасность цинизма и кощунства.

Относительно А. Блока ставился еще вопрос об его отношении к русской революции. Этому вопросу П. П. Сувчинский касается в заключении своего предисловия. Но нам его понимание Блока в этом отношении не вразумительно.

Отношение к русской революции есть частный случай отношения к греху и мерзости вообще. Оно у Блока тоже двусмысленно, цинично и кощунственно. Это не может не восприниматься болезненно всеми любящими красоту блоковской поэзии. Ведь тот же самый поэт, который написал соблазнительно-кощунственное «Двенадцать», написал стихи «На поле Куликовом», «Русь», «Россия», проникнутые историческим смыслом, любовью к живому и вдохновенному образу России, поруганному безбожной и бесчеловечной, кощунственной и мерзкой революцией, в «Двенадцати» изображенной, но не преодоленной ни эстетически, ни религиозно. Невольно вспоминается вещь признание самого же Блока, что он принадлежит к какой-то проклятой породе людей, к «детям страшных лет России», у которых «в сердцах, восторженных когда-то, есть роковая пустота»¹.

На правдивом изображении лица революции в «Двенадцати» лежит именно соблазнительная печать «роковой пустоты» в религиозном отношении.

